

ЛІТАРАТУРА

Аннинский Л. Свой крест. Об исторической прозе Я. Кросса: Послесловие к книге // Кросс Я. Императорский безумец. М., 1985. С. 440–462.

Арлоў У. Сны імператара: Апавяданні, аповесці, эсэ. Мн., 2001.

Бассель Н. Проблемы межнациональной общности эстонской советской литературы. Таллин, 1985.

Гордин Я. Порвалась связь времён? // Вопросы литературы. 1986. № 3. С. 43–70.

Гулыга А. Эстетика истории. М., 1974.

Затонский Д. Л. Фейхтвангер и его «Историческая комедия» // Фейхтвангер Л. Избранные соч.: В 3 т. Т. 1. Еврей Зюсс: Роман. М., 2001. С. 5–32.

Тычина М. Обновление начала // Неман. 1988. № 8. С. 146.

Фрадкин И. Б. Брехт // История немецкой литературы: В 5 т. Т. 5. 1918–1945. М., 1976.

Хмельницкая Т. История в немецком антифашистском романе 30-х гг. Исторические романы Фейхтвангера // Голоса времени: статьи о современной и зарубежной литературе. М.; Л., 1963. С. 213–255.

Паступіў у рэдакцыю 15 09.2003.

Аксана Міхайлаўна Дарагакупец – аспірантка кафедры беларускай літаратуры XX ст. Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, прафесар Д.Я. Бугаёў.

В.Ю. ЖИБУЛЬ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КАРТИНА МИРА В ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ ОЛЬГИ БЕЛЯЕВСКОЙ И МАРИИ ПОЖАРОВОЙ

Выводится художественная парадигма предсимволизма в детской поэзии начала XX в. на основании воспроизводимой в ней модели мира.

Pre-symbolist poetic paradigm in the poetry for children of the beginning of 20th century is marked out on the basis of the poetic picture of the world contained in it.

Предсимволизм появился в русской поэзии в 1880-х гг. и был представлен несколькими течениями – «школой Фета», философской поэзией 1880-х, импрессионизмом, неоромантизмом (см. Ханзен-Лёве 1999), который непосредственно предшествовал раннему символизму. В детской поэзии происходили параллельные процессы, хотя и с некоторым запаздыванием по сравнению с поэзией «для взрослых». Поэтому появление различных стилевых течений в ней разделено очень короткими временными промежутками: детская литература, развиваясь в соответствии с логикой общего литературного процесса, имела возможность «пользоваться» всеми достижениями, имевшимися во «взрослой» модернистской поэзии.

Предсимволистские тенденции не получили своего последовательного воплощения в детской поэзии конца XIX в. и с достаточной определенностью проявились только в 1906–1911 гг. в творчестве О. Беляевской и М. Пожаровой в период их сотрудничества с детским журналом «Тропинка» (Санкт-Петербург, 1906–1912 гг.). Это издание сыграло заметную роль в детской литературе начала XX в. благодаря своей программной модернистской ориентации и высокохудожественной литературной части. О. Беляевская и М. Пожарова оказались в числе самых активных сотрудников журнала, органично вписавшись в его контекст. Примечательно, что произведения тех же поэтов, опубликованные ранее, преимущественно должны быть квалифицированы как реалистические, соответствующие поэтике «суриковской» школы.

Одной из основополагающих для стихотворений О. Беляевской, опубликованных в «Тропинке», является мысль о пути, зафиксированная и в названии всего журнала и в какой-то мере определяющая его концепцию. В большинстве случаев путь предстает как канал сообщения между разными мирами. В стихотворении «В серебряном царстве» морозные узоры на окнах – это «дорожки в царство лунных грез», они же превращаются в фантастический лес, где находят себе место «странные птицы» и «не-

виданной формы цветы», тропинка и качели над ней, мосты и терема Мороза (см. Беляевская 1908, 59). «Серебряное царство» обозначено как «видение», т. е. нечто менее реальное, чем его земное соответствие. Подобная ситуация представлена в стихотворении О. Беляевской «В печке»: здесь говорится о золотых дорожках в химерическом замке, выстраиваемом огнем в печи. Но «янтарный замок» также нереален: это «порождение мечты», «несбыточных снов» (Русская поэзия 1997 I, 374). Дорожками из сказочного мира в «реальный» становятся и лучи от свечи, по которым в земной мир попадают фантастические человечки («Золотые человечки»). Однако это происходит, когда люди спят, поэтому ситуация в стихотворении снова рассматривается как условная. Луч как путь для проникновения фантастических существ в «реальный» мир является продуктивной образной моделью и обнаруживается и в поэзии других авторов «Тропинки» (например, в стихотворениях П. Соловьевой «Больной мальчик», М. Пожаровой «Расцвет вереска»). В большинстве случаев здесь говорится не о физическом перемещении, а о сообщении с воображаемым миром сказки, фантазии, при этом сам процесс прохождения пути редуцируется, акцент переносится на функцию связи между мирами.

Главная отличительная особенность «сказочного» мира – населяющие его фантастические существа, часто являющиеся олицетворениями различных состояний, явлений и т. п. Соотношение между фантастическим и реальным мирами парадоксально осмысливается в стихотворении О. Беляевской «Сон-Дрема». Главный герой этого произведения, фольклорный образ, неуловим: «...он к бессонным нейдет, / Наяву-то он людям невидим, / А лишь только он в спальню скользнет, / Мы уснем и его не увидим» (Русская поэзия 1997 I, 376). Сон-Дрема, таким образом, становится обязательным, но принципиально неуловимым посредником между двумя мирами – яви и сна.

«Население» «сказочного» мира довольно разнообразно. О. Беляевская охотно заимствует фантастические персонажи из фольклора (Дед Мороз, Старик-Годовик, Кощей, Змей, Сон-Дрема, Снегурочка и др.). М. Пожарова гораздо активнее вводит в поэзию фантастические существа собственного изобретения. Чаще всего это старички-карлики, по функциям напоминающие стихийных духов. Таковы «старикашка невиданный», «лесной Снеговик» (Пожарова 1908, 99), вступающий в спор с «Дедом Ледяным» («Снеговик»); «карлик лесной», который проказничает в компании с русалкой («Лесные затеи»). В стихотворении М. Пожаровой «Тучи» причина непогоды – внезапный раздор между двумя приятелями: грозным Ветром и «серым старичком», гуляющим в тучах с лейкой (стихийная природа обоих персонажей очевидна). Кроме того, в стихотворениях обеих поэтесс встречаются привычные уже в тот период и для устной народной, и для литературной традиции олицетворенные времена года, особенно Весна и Зима. При этом Весна, всегда юная, прекрасная, связана с положительно оцениваемым «иным» миром. В стихотворении О. Беляевской «Светлый странник» Весна приходит благодаря магическим действиям своего таинственного «посла». В стихотворении «19 февраля 1911 года» О. Беляевская соотносит наступающую весну, «волю» (точнее, ее «обретение» крестьянами в 1861 г.) и религиозные ценности народа. У М. Пожаровой стихотворение о Пасхе называется «Воскресение Весны», что также напрямую указывает на соотношение Весны с божественным планом. На иерархическое соподчинение олицетворенных обозначений времени указывается в стихотворении Беляевской «Встреча», где Солнце настоятельно рекомендует Зиме встречать Весну с пирогами.

Образ-олицетворение Зимы, также достаточно частый у обеих писательниц, связан с землей, земными силами. «Зимние» фантастические и сказочные существа (Мороз, Снеговик и т. п.) живут на земле (в лесу, в де-

ревне и т. п.), побаиваются солнца, которое может уничтожить их физически. Зимнее время в соответствии с уже сложившейся в литературе и фольклоре традицией у О. Беляевской оценивается как «безвремяе» (Русская поэзия 1997 I, 375). В ее же стихотворении «Клад» наступление зимы связывается с закланием клада Кощея; приход Весны соответствует снятию заклания. Впрочем, нельзя говорить об однозначно отрицательной оценке зимы: в одном из стихотворений О. Беляевской зимние «силы» – Дед Мороз и Старуха Зима – готовят для зверюшек теплые шубки, чтобы спасти их от холода. Также амбивалентен и образ-олицетворение старухи – зимней полночи в стихотворении М. Пожаровой «Сон Гнедко». Старуха, с одной стороны, поет «вьюжную песню» (Пожарова 1911, 215), вызывая мороз и непогоду, но она же навеивает уставшему и несчастному коню Гнедко волшебные сны, благодаря которым бедное животное попадает в рай.

Сказочные и реально осязаемые образы, персонажи в поэзии О. Беляевской и М. Пожаровой составляют два аспекта мира земного, который осмысливается как чувственно воспринимаемая реальность и одновременно дополняется фантастическим, сказочным, заведомо нереальным планом.

Помимо земного мира, где многое отдано в ведение аналогов низших духов, существует еще один пласт реальности, выделяемый «по вертикали»: мир «иной», трансцендентный, чаще всего скрытый и только упоминаемый.

Некоторый свет на его природу проливает еще одна разновидность путей, встречающаяся в произведениях О. Беляевской, – дороги, скрытые от людей или потерянные. Такие пути демонстрируют представления, характеризующие не пространственную, а временную ось. Например, в стихотворении О. Беляевской «Хоромы Красного Солнышка» сообщается, что «...в старину люди добрые / Знали путь к теремам Солнца Красного, / Да забыт теперь заговор солнечный, / Залегла та дорога туманами, / ... / Не пройти, не проехать и конному» (Беляевская 1908 [в], 821). Знаменательно, что нынешнее незнание пути связано с утратой магических формул («заговора солнечного»). В этом стихотворении присутствует распространенная мифологическая схема: разделение времени на сакральное «превремя», «золотой век», и профанное время («теперь»), когда утрачено магическое знание и связанные с ним блага. Приближенное к фольклору словесное оформление содержания указывает на источник этих представлений: русские сказки и предания, а на более глубоком уровне, вероятно, солнечные мифы.

Впрочем, утрата пути не окончательна. В стихотворении О. Беляевской «Северная легенда» появляются персонажи, которым «солнечный путь» известен. Основа этого стихотворения – диалог каких-то людей (не посвященных в таинства) с загадочными странниками – носителями особого знания и исполнителями особой миссии. Топография пути странников описывается в романтико-фольклорных формулах: «Путь мы держим посолонь. / За полями снежными, / За холмами дальними, / В тайне ночи северной / Солнце нарождается» (Беляевская 1908 [г], 1013). Знаменательно здесь упоминание тайны, которая указывает на скрытость сакрального события (рождения Солнца) и одновременно напоминает о христианском оформлении сакрализованного события – о таинствах. Возможность христианской трактовки поддерживается еще рядом образов стихотворения, например: *светозарные купола «солнечных обителей»* (Беляевская 1908 [г], 1013), которые отсылают к архитектуре церквей и напоминают о монастырях, часто называемых обителями. Само странствие «посвященных» к месту рождения божества ассоциируется с паломничеством волхвов в Вифлеем так же, как и дары, которые несут странники; несомненно, наконец, связь Христа с солнечными и с умирающими/воскресающими божествами различных религий и мифов. Не случайно и упоминание в стихотворении *молитвы* и

«веры неослабной». Кроме того, странники еще на рубеже XIX–XX вв. составляли особую прослойку русского населения: основной их целью было посещение святых мест; а специфической «профессией» слепых странников – исполнение духовных стихов. Соответственным было и отношение к ним – как к людям, гораздо более сведущим в религиозных вопросах, чем обычный «поселянин». Впрочем, у О. Беляевской прямых христианских реминисценций нет: лирическими героями/рассказчиками у нее являются «непосвященные». Странники, говоря о том, что держат путь «посолонь», указывают на циклическую модель времени и на центральное положение в мировой иерархии Солнца, а не христианского Бога. Таким образом, мифологический контекст стихотворения расширяется, включая в себя народную солярную символику.

В стихотворении О. Беляевской «Светлый странник» также присутствует ряд точек соприкосновения с христианской образностью и одновременно – с мифологическими народными представлениями. Странник обозначен как «посол Весны», и это позволяет, с одной стороны, говорить о его связи с умирающей/воскресающей природой (мифологической универсалией), а с другой стороны, предположительно, о связи олицетворенной Весны с традицией странничества, т. е. с народной религиозностью. В этом смысле не случайным представляется упоминание *вербы* – растения, зафиксированного в церковной традиции в предпасхальном вербном воскресенье. Противопоставление «темных» людей (т. е. определенно непосвященных: «Да его не признали мы, темные» (Беляевская 1908 [б], 359)) и «светлого» странника указывает на его связь с эзотерическим знанием о скрытом «высшем» мире, каковым, вероятно, и оказываются в стихотворениях О. Беляевской христианские небесные силы, не получившие эксплицитного обозначения.

При всем своем различии земной и «иной» миры оказываются неотделимыми друг от друга; христианская образность «опредмечивается», обретая сказочно-мифологические черты. Вероятно, именно на это указывал К. Чуковский, говоря об объединении в творчестве поэтов «Тропинки» «зверей и Христа», «таракана и Богородицы» (см. Чуковский 1911). Идиллическая, созвучная народной религиозности картина мироздания изображается в стихотворении О. Беляевской «Пастырь добрый». Здесь вечернее Солнце приобретает черты добродушного сельского священника, сидящего «...у ворот на лавочке / В берестяных лапотках, в алой камиллавочке» (Беляевская 1911 [а], 471). Сияние исходит от его «наперсного креста», а четками ему служат звезды. Пастырем же оказывается «месяц новенький», который гонит над часовенкой «стадо тучек-ярочек» (Беляевская 1911 [а], 471). Таким образом, «небесное», нисколько не снижаясь, обретает черты земного, земное озаряется светом «небесного», и весь мир существует в гармонии. Г.П. Федотов считал, что «русская народная религиозность должна быть названа софийной» (Федотов 1991, 65), имея в виду равную степень божественности «церковного» и «природного» миров в народном русском сознании. Подобные представления, вероятно, отразились и в стихотворении О. Беляевской.

С христианской традицией и у М. Пожаровой, и у О. Беляевской связано чудо (примечательно, что проделки «низших» фантастических существ как чудеса обычно не воспринимаются). Причем христианский фактор в ситуациях, неразрешимых с точки зрения «языческой», выполняет функцию *dei ex machinae*, разрешая сложную проблему при помощи чуда или давая не предусмотренный «природными» и «сказочными» законами путь к ее решению.

Стихотворение М. Пожаровой «Расцвет вереска» – легенда о создании чудесного прецедента природного явления. В данном произведении фея (плод «языческой» фантазии) по «мечте»-молитве вереска спускается на

Землю. Знаменательна цветовая гамма одягання феи, включающая в себя мистически осмысливаемые символистами (особенно младосимволистами) цвета – голубой и золотой. При своем появлении – сошествия с небес по вечерним солнечным лучам – она напоминает скорее ангела, чем хтоническое существо (для которого, кстати, было бы логичнее не спуститься с небес, а явиться откуда-нибудь из лесу): «Раз, с вечернею зарею, серебрясь и розовея, / По лучам сошла на землю ослепительная фея, / Вся в сияньи, в одяньи из небесной бирюзы» (Пожарова 1908 [б], 675).

Вереск, невзрачный, «обиженный» и впоследствии награжденный за веру и терпение, также вполне органично выглядит в контексте народных религиозных представлений, для которых было характерно сочувствие невинным страдальцам, вследствие чего, например, «многие святые воспеваются народом за жалостливую свою судьбу» (Федотов 1991, 63). «Легитимность» чуда, свершившегося с вереском, подтверждается «напевом сосен» и посещением цветов вереска пчелами – насекомыми, связанными в народном христианстве со Спасом и Богородицей. Наконец, непосредственное название Бога в последней строке – «Вереск, Богом незабываемый, светлый праздновал расцвет» (Пожарова 1908 [б], 675) – определенно указывает на Божью волю как источник чуда и ставит Бога на вершину всемирной иерархии.

В стихотворении М. Пожаровой «Сон Гнедко» появляется ангел – «путник с венцом на челе», с «благодатно-светлой» улыбкой и белыми крыльями (см. Пожарова 1911, 216). Здесь ангел выполняет почти ту же функцию, что и в русских народных духовных стихах: он является вестником смерти и проводником души в иной мир. Но если в духовных стихах речь шла только о человеческих душах, то у М. Пожаровой говорится о «душе» коня (для которого уже способность видеть сны предусматривает возможность пребывать не только в «животном», «телесном» состоянии). Случившееся с Гнедко, животным несчастным, замученным, снова представляется как чудо. Путь Гнедко с седоком обозначен как путь в «царство Господне», а место их прибытия вполне можно определить как рай со всеми традиционными народно-мифологическими атрибутами: «медвяными холмами», «душистыми дубравами», «райской песней» в «лазури» и «ликующим голосом», сообщающим о конце бед и дарованном Гнедко отдыхе.

Наделение растений и животных душой и Божией благодатью, согласно ортодоксальной теологии, чисто человеческими качествами свойственно практически всем авторам «Тропинки». В поэзии Беляевской и Пожаровой, а также Соловьевой, Городецкого, отчасти Бальмонта и Блока происходит совмещение сказочно-мифологического восприятия мира и религиозно-христианской трактовки его явлений и событий, преломленной сквозь призму «примитивного» народно-мифологического сознания.

К синтезу земного и «небесного», как известно, стремились многие символисты. В этом направлении двигался Мережковский и другие участники Религиозно-философских собраний, стремившиеся к синтезу «правды о земле» (язычества) и «правды о небе» (христианства). Подобную идею поддерживал и Вячеслав Иванов, сближая Христа и ницшевского Диониса. Однако если в этих случаях мы имеем дело с теологическими или философскими выкладками, то О. Беляевская и М. Пожарова были, скорее всего, далеки от них и полагались на народные представления.

Поэзию О. Беляевской и М. Пожаровой еще нельзя назвать символистской. Проявляющееся в их стихотворениях двоемирие статично – его наличие только констатируется, эсхатологические же ожидания, характерные для младосимволизма, отсутствуют; позиция поэта в отношении мистического пассивна – о его теургической и даже демиургической роли не может быть и речи. Символ как выразительное средство ими практически не используется. Мифопоэтическая модель мира, основанная на противопостав-

лени мира земного и мира «иног», а также идея цикла, связь с фольклором свидетельствуют скорее о реализации в творчестве обеих поэтесс в период их сотрудничества с «Тропинкой» неоромантизма как одного из стилизованных течений предсимволизма. Появление этих произведений почти одновременно и в одном контексте с символистскими детскими стихотворениями П. Соловьевой, К. Бальмонта, А. Блока позволяет рассматривать поэзию О. Беляевской и М. Пожаровой как начальную стадию развития модернистской парадигмы в детской поэзии, «пропущенную» ранее и восполненную уже во время существования ее более зрелых проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляевская О. В серебряном царстве // Тропинка. 1908. № 2. С. 59–60.
Беляевская О. Золотые человечки // Тропинка. 1908 [а]. № 7. С. 263.
Беляевская О. Светлый странник // Тропинка. 1908 [б]. № 9. С. 359.
Беляевская О. Хоромы Красного Солнышка // Тропинка. 1908 [в]. № 21. С. 821.
Беляевская О. Северная легенда // Тропинка. 1908 [г]. № 23/24. С. 1013–1014.
Беляевская О. Клад // Тропинка. 1910. № 9. С. 353.
Беляевская О. 19 февраля 1911 г. // Тропинка. 1911. № 4. С. 174.
Беляевская О. Пастырь добрый // Тропинка. 1911 [а]. № 12. С. 471.
Пожарова М. Снеговик // Тропинка. 1908. № 3. С. 99–100.
Пожарова М. Лесные затеи // Тропинка. 1908 [а]. № 14. С. 547–548.
Пожарова М. Расцвет вереска // Тропинка. 1908 [б]. № 17. С. 675.
Пожарова М. Тучи // Тропинка. 1908 [в]. № 19. С. 777–778.
Пожарова М. Сон Гнедко // Тропинка. 1911. № 5. С. 215–216.
Пожарова М. Воскресение Весны // Тропинка. 1912. № 4. С. 305.
Русская поэзия детям: В 2 т. СПб., 1997. Т. 1.
Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М., 1991.
Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999.
Чуковский К. И. Матерям о детских журналах. СПб., 1911.

Поступила в редакцию 06.03.2004.

Вера Юрьевна Жибуль – аспирантка кафедры русской литературы. Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент И.С. Скоропанова.

Н.У. ЛАМЕКА

СТРУКТУРА УНІВЕРСУМУ “УЛІСА” ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА (АРХІТЕКТОНІКА І КАМПАЗІЦІЯ РАМАНА)

Рассматривается внешняя (архитектоника) и внутренняя композиция романа Джеймса Джойса “Улисс” как многоплановая и полифоничная. Делается вывод о том, что художественный универсум произведения представляет собой хаосмос, где сочетаются элементы строгой логики и абсурда. Основной пафос этого хаосмоса – ирония, приобретающая тотальный характер.

The article contains a research on the external (architectonics) and the internal composition of James Joyce's novel “Ulysses” as multifaceted and polyphonic. The art universe of the literary work is a chaosmos combining the elements of both clear logic and absurd. The main pathos of this chaosmos is a total irony.

Сусвет, універсум, заўсёды мае якую-небудзь структуру: знешнюю абалонку, “твар”, а таксама скрытую ўнутраную сутнасць, “душу”, якая вызначае ў многім знешнія характарыстыкі. Гэта датычыць не толькі строгіх, дакладных форм, але і хаатычных. І ў хаосе ёсць унутраная логіка, свае заканамернасці. Не толькі прыродныя ўтварэнні, але і сусветы мастацкія маюць сваю структуру, жывуць па сваіх правілах, часам нават выходзячы за межы задумы творцы і развіваючыся далей насуперак яго волі. Іншы раз у творы штосьці атрымліваецца як бы само сабой, з’яўляецца новы сэнс, аб якім мастак і не задумваўся.

Джойс творыць уласны мастацкі універсум, “Джойс задумаў абсалютны твор, Твор-як-Космас” (Есо 1989, 33). Аднак зусім не спантанна. Агульнавадома, як аўтар пісаў “Уліса” (1922). Было мноства “нарыхтовак”: фраз, ска-